

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Николай КОСТОМАРОВ

КУДЕЯР

Николай Костомаров

Кудеяр

«ВЕСЕ»

1882

Костомаров Н. И.

Кудеяр / Н. И. Костомаров — «ВЕЧЕ», 1882

Тяжело приходилось Московской Руси. Сильно терзали и опустошали ее вору, разбойники и смутьяны во время лихолетья; потрясали ее скопища Стеньки Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева и иных; много бродило по ее лесам и дорогам удалых парней, оставляя по себе память в народных песнях. На страницах своего романа известный русский историк Николай Иванович Костомаров (1817–1885) создает довольно противоречивый образ легендарного воина и разбойника Кудеяра, чья судьба имеет непосредственное отношение к судьбе другой довольно противоречивой фигуры – царя-самодержца Ивана Грозного.

Содержание

Об авторе	6
Кудеяр. Книга первая	7
I. Гости	7
II. Юродивый	15
III. Царица	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Костомаров

Кудеяр

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

Об авторе

Крупнейший российский историк Николай Иванович Костомаров родился 16 (4) мая 1817 г. в слободе Юрасовке Острогожского уезда Воронежской губернии. Он появился на свет до женитьбы своего отца, помещика Ивана Петровича Костомарова, на крепостной крестьянке Татьяне Петровне Мельниковой. В соответствии с тогдашними законами Николай оказался крепостным своего отца! И. П. Костомаров не успел юридически усыновить мальчика – Ивана Петровича убили собственные крестьяне. Мать Николая ради его освобождения вынуждена была отказаться от большей части наследства. Мальчик воспитывался тогда в московском пансионе, где его за успехи в учении прозвали чудо-ребенком. Татьяне Петровне пришлось перевести его в Воронеж, где уровень обучения был несравнимо ниже. По окончании гимназии он закончил историко-филологический факультет Харьковского университета, где на весь его дальнейший путь оказали существенное влияние лекции профессора М. М. Лунина. Николай поступил на военную службу, но ненадолго: в 1837 г. он оставил полк и продолжил обучение в университете, получив в 1844 г. звание магистра. Костомаров избирает стезю серьезного ученого-историка. Он увлекается историей южнорусского казачества. Однако мыслит он далеко не тривиально: «Историю нужно изучать не только по мертвым летописям и запискам, а и в живом народе». С этой целью Николай начинает этнографические экскурсии вокруг Харькова. Одновременно его увлекает литературное творчество. Он пишет стихи и драматические произведения, изучает украинский язык и записывает малоросские народные песни, издает (под псевдонимом Иеремия Галка) два сборника народной поэзии: «Украинские баллады» и «Ветка». После окончания университета он работает учителем в ровенской гимназии, а потом – в киевской.

С 1846 г. Костомаров начинает преподавать в Киевском университете. Вместе с несколькими друзьями он создает «Славянское товарищество св. Кирилла и Мефодия». Это общество, где культивировались вольнолюбивые идеи, показалось царским чиновникам крайне подозрительным. Костомаров был в 1847 г. арестован и приговорен к году заключения в Алексеевском равелине, после чего отправлен в ссылку, в Саратов. Вступление на престол Александра II освободило его из ссылки. Кроме того, он получил возможность печататься. Костомаров публикует такие крупные работы, как «Век царя Алексея Михайловича», «Борьба украинских козаков с Польшей в первой половине XVII века», «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России», «Бунт Стеньки Разина». Все эти работы появились в журнале «Отечественные записки». В 1857 г. Костомаров совершает большое путешествие по Европе. Вернувшись, участвует в работе комиссии по крестьянской реформе. С 1859 г. историк начинает работать в Казанском университете. Широкую известность получил научный спор Н. И. Костомарова с М. М. Погодиным относительно норманнской теории происхождения русского государства. Этот спор помог Костомарову «завоевать столицу». С 1862 г. он начинает читать лекции в Санкт-Петербургском университете.

В начале 1860-х гг. историк публикует серию работ по домашней жизни и общественному укладу великорусского народа и других народов Российской империи. В 60-е – 70-е гг. Костомаров продолжает систематическое изучение украинской истории второй половины XVII века. Активно работать историк продолжает до последних лет жизни: его блестящая монография «Мазепа» вышла всего за три года до смерти, последовавшей 19 (7) апреля 1885 г. Костомаров оставил после себя многогранное творческое наследие. Его красочный и емкий язык – признак бесспорного литературного таланта. Читатель может убедиться в этом, ознакомившись с предлагаемым романом «Кудеяр».

Анатолий Москвин

Кудеяр. Книга первая

І. Гости

Начинался рассвет ноябрьского дня¹. В доме священника Никольской церкви, в Китай-городе, горели огни. В просторной светлице с маленькими четверугольными оконцами происходили приготовления к выезду знатного господина. Двое слуг вытащили большой сундук из угла, образуемого муравленою печью, и разделенного на два яруса для всякой поклажи, и доставали из сундука разные наряды. Господин обулся в сафьянные сапоги с серебряными узорами, отороченные бобром, надел зеленые суконные штаны, входившие в сапоги, белый зипун из турецкой габы, а сверху бархатный темно-красный казацкий кобеняк с отложным бобровым воротником и горностаевой обшивкой. Эта одежда была короче тогдашнего великорусского кафтана, с одною только грушевидною пуговицею и подпоясывалась поясом, до того униженным золотыми бляхами, что нельзя было распознать материи, из которой он был сделан. За поясом заложен был кинжал с круглою ручкою, украшенною одним большим изумрудом; на левом боку у господина была турецкая кривая сабля, в серебряных ножнах и с бирюзою на рукоятке; а на груди висела золотая цепь с медальоном, на котором изображалось восходящее солнце. Одевшись, господин выслал слуг, достал из шкатулки отделанную перламутром пергаменную книжку и стал читать молитвы, обратившись к образу, перед которым горели три восковые свечи. Между тем рассвело.

В светлицу вошел священник с крестом и святою водою.

– Потеснили мы тебя, отче, – сказал господин. – Не сетуй на нас: не наше хотение, а царская воля. Но я перед тобою за гостьбу твою в вине не буду.

– Честнейший господине княже, – сказал священник, благословив крестом господина и окропивши святой водою, – коли б государь-царь жаловал нас такими стояльцами, то нам на том государю бить челом с похвалою, а не скорбеть о тесноте. Таких, как ты, на свете немного, зане кровь свою не раз проливал за все христианство и страшен стал агарянам, яко Геден и Сампсон. Боже тебя благослови! А я, грешный богомолец твой, буду молить Бога и Пречистую Его Матерь, чтоб царь-государь последовал благому совету твоему, еже на брань с нечестивыми измаилтяны.

– Все в руце Божией, – сказал господин. – Человек хочет тако и инако, а как Бог скажет: стой, не движися! – то все человеческие затей прахом пойдут. Молчи да дыши.

Вошел царский пристав, поклонился князю в пояс и сказал:

– Князь Димитрий Иванович! Государь-царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал тебя, велел быть у себя и прислал за тобою свою царскую лошадь.

Князь всунул приставу в руку несколько червонцев.

Вошли слуги, доложили, что все готово, и накинули на господина соболью шубу, крытую зеленою камкою. Господин надел высокую черную баранью шапку с золотым пером и вышел, провожаемый благословениями и пожеланиями священника.

Этот господин был знаменитый богатырь XVI века – князь Димитрий Иванович Вишневецкий, староста черкасский и каневский, предводитель днепровских казаков и первый виновник их славы. Медальон на груди носил герб его княжеского рода. Князь был лет сорока пяти, среднего роста, с большим выпуклым лбом, носившим печать ума и благородства, и с оклади-

¹ Основатель Запорожской Сечи и дальний родственник (по матери) Ивана Грозного князь Димитрий Иванович Вишневецкий прибыл в Москву в ноябре 1557 г. «царю и великому князю служити» и был пожалован городом Белевом «со всеми волостми и селы».

стою русою бородкою. В его голубых глазах светилось простодушие и доброта вместе с чем-то могучим и грозным; несмотря на лета, его лицо сияло здоровьем и свежестью, во всех чертах и движениях его виднелись следы внутренней крепости, сильной воли и многолетнего опыта.

Выйдя на крыльцо, он увидел толпу своих казаков; атаманы были в красных, а простые казаки в черных киреях и широких шароварах, запущенных в высокие черные сапоги. Одни сидели уже на конях и один за другим выезжали за ворота, другие держали за поводья лошадей, готовясь вскочить на них.

У крыльца стоял серый с черными яблоками жеребец; на нем было красное сафьянное седло с позолоченною лукою, лежавшее на черном с красными узорами чепраке, из-под которого выглядывали концы желтой попоны с бахромой. Под мордою у лошади висела целая куча ремешков, расширявшихся книзу и усеянных золотыми бляшками, а на ногах выше копыт были бубенчики, издававшие звук при всяком движении лошади. Вишневецкий вскочил на жеребца и выехал из ворот; пристав ехал с ним рядом; впереди и сзади ехали казаки. Путь их лежал мимо гостиного ряда, по Красной площади, загроможенной в то время множеством лавочек, шалашей, скамей с разными съестными припасами. Народ, любивший глазеть на приезжих, с любопытством бежал за Вишневецким, и в толпе слышались голоса: «Вот молодец! Как такому бусурмана не побить! И народ-то у него какой рослый, богатырский!»

Вишневецкий въехал во Фроловские ворота Кремля, на которых в то самое время раздавалось два удара боевых часов, означавших тогда два часа по тогдашнему счету ночных и дневных часов, и в ту же минуту повторилось два удара на других кремлевских башнях, на которых были устроены часы: на Никольской, Водяной (к Москве-реке) и Ризоположенской (выходившей на Неглинную). Тридцать пищальников, стоявших на карауле, расступились и подняли свои пищали вверх. Вишневецкий проехал между боярскими домами, мимо Вознесенского монастыря и мимо церкви Николы Гостунского, прямо к собору и остановился у золоченой решетки царского двора. Пристав соскочил с лошади, за ним сошел князь и все казаки. По приказанию пристава князь отвязал свою саблю, отдал ее казаку, взял с собою четырех атаманов и одного казака, несшего ящик, и пошел пешком вслед за приставом по благовещенской лестнице. На крыльце, ради почета, была ему первая встреча, в сенях другая. Вишневецкий вошел в переднюю палату.

Царь Иван Васильевич сидел в углу под образом, одетый в голубой, расшитый серебряными и золотыми травами кафтан, в собольей шапочке с жемчужной опояскою, в руках держал посох. Это был сухошавый человек, с клинообразною бородкою, с узким лбом и с чрезвычайно живыми, бегающими глазами, в которых трудно было уловить что-нибудь, кроме постоянного беспокойства и нерешительности. Близ него стоял думный дьяк Иван Висковатый, высокий, тонкий, с длинною шеею и с задумчивым выражением глаз.

Вишневецкий, сделав от двери три шага вперед, поклонился царю, прикоснувшись пальцами до земли.

Пристав сказал:

– Князь Димитрий Иванович Вишневецкий приехал просить твоей царской милости, чтоб ты, великий государь, пожаловал, изволил бы принять его в холопство на верную свою государскую службу.

Дьяк Висковатый от имени царя дал ответ, что царь похвалает князя Димитрия Ивановича, велит спросить о здоровье и жалует к своей царской руке.

Вишневецкий, подошедши ближе, преклонил колено и поцеловал лежавшую на коленях царя царскую руку, а потом отошел, устремивши глаза на государя.

Пристав заявил, что князь Димитрий просит пожаловать его: велеть поднести царю в дар турецкую саблю редкой работы. Казак поставил ящик на столик и открыл его. Там лежала сабля с рукояткою, осыпанною рубинами, бирюзой и изумрудами.

– Бог тебе в помощь, князь Димитрий Иванович! – сказал царь Иван. – Коли пожелал своею охотою служить нам и прямить, то мы тебя будем жаловать и служба твоя от нас забвенна не будет. Ну а сдал ты Черкассы и Канев брату нашему, королю Жигимонту-Августу², как мы тебе велели, для того, что мы теперь с братом нашим королем не в розратьи?

– Все учинил так, как от тебя, государя, приказано, – сказал Вишневецкий, – а ныне пожалуй нас, холопей твоих: вели слово вымолвить.

– Говори, – сказал царь. – Послушаем, коли хорошее скажешь.

Вишневецкий сказал:

– Казаки городов Черкасс и Канева и все тамошние тубольцы, прирожденные русские люди истинной восточной веры, тебе, великому государю, прямят и желают поступить под твою высокую державную руку навек неотступно. Вся земля Киевская с Украиною и с землею Волынской и Галицкою – твоя, государева, извечная отчина от равноапостольного князя Владимира; но половиною ее уже давно завладели поляки, а другою думают теперь завладеть от Литвы. И нам бы не быть под латинским государем; а пригоже нам быть под своими прирожденными правоверными государями.

Во время этой речи Иван Васильевич беспрестанно поворачивался, вертел свой посох, как человек, который не в силах сдержать своих ощущений, и показывал, что разом слышит что-то приятное и неприятное. По окончании речи он сказал что-то Висковатому, а Висковатый произнес громко:

– Князь Димитрий Иванович, ты поговоришь с царскими боярами, которых тебе вышлет государь на разговор.

– Слыхали мы, – сказал царь, – что ты, князь Димитрий, бился с неверными за благочестивую веру, и мы тебя за то похваляем, чаючи, что и вперед по нашему повелению будешь против наших недругов биться; а за твое радение, что пришел к нам, жуем тебе в вотчину город Белев с нашими волостями и доходами и твоих атаманов и казаков, что пришли с тобой, велим испоместить поместьями.

Все поклонились.

Пристав дал знак, и Вишневецкий вышел со своими атаманами.

Князя провели через сени и крыльцо в так называемую Малую Избу, против дверей Благовещенского собора. Там, у входа, Вишневецкий увидел давно знакомого ему дьяка Ржевского³, бывшего его товарища в недавних битвах с татарами. Они поцеловались как давние приятели. В Избе посредине стоял стол, за которым сидело трое сановников. При входе князя они встали из-за стола и подошли к нему. То были: князь Андрей Михайлович Курбский, Алексей Адашев и брат его Данило⁴.

Алексей Адашев был человек лет тридцати пяти, с овальным длинным лицом, с белокурыми, плотно остриженными волосами и с небольшой клинообразной бородкой. Чрезвычайное благодушие светилось в кротких голубых глазах его. Он постоянно держал ресницы опущенными вниз, а когда взглядывал на того, с кем вел разговор, то, казалось, видел насквозь, что у другого на уме. В Москве говорили, что Адашев сам никогда не скажет неправды и перед Адашевым другому трудно было солгать: слова не скажет, только взглянет и пристыдит. Он

² Так называли польского короля и литовского великого князя Сигизмунда II Августа. Д. И. Вишневецкий должен был оставить Канев и Черкассы, отошедшие к Литве по условиям перемирия 1557 г.

³ Дьяк – не чин, а прозвище Матвея Ивановича Ржевского, стрелецкого головы (поэтому следует писать – Дьяк). Участник казанского взятия 1552 г., он позднее возглавлял походы на крымские улусы по Днепру (в 1556 и 1557 гг.) и Дону (в 1557 г.). В 1556 г. Дьяк Ржевский ходил с каневскими казаками под Очаков.

⁴ Приближенные Ивана Грозного, входившие в состав, как принято считать, неофициального правительства, названного впоследствии А. М. Курбским «Избранной радой». Несколько позднее описываемых событий их постигла опала: умер в ссылке в Юрьеве в преддверии расправы А. Ф. Адашев (в 1560 г.), казнен его брат Д. Ф. Адашев; бежал (в 1564 г.) к Сигизмунду II Августу А. М. Курбский, на долгое время став политическим противником и соперником Ивана Грозного в блестящем публицистическом поединке, известном как «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским».

был одет в черный суконный кафтан без всяких украшений, а на ожерелье его рубахи не видно было ни золота, ни жемчуга, как бывало тогда у знатных людей, только виднелись красного шелка узоры, вышитые его женою. Брат его, Данило, был одет пощеголеватее. В его круглом румянном лице светилось столько же добродушия, сколько живости и удалства. Наружность Андрея Михайловича Курбского показывала иного человека, чем оба Адашевы: его высокий рост, открытый большой лоб, гордый и вместе приветливый взор, величественная поступь обнаруживали в нем человека, хорошо помнившего свой род и своих предков, человека, для которого не было ничего тяжелее, как сгибать шею перед кем бы то ни было.

– Бог благословит приход твой! – сказал Алексей Адашев Вишневецкому.

– Радуемся, и радость наша не отнимется от нас, – сказал Курбский, – понеже узрехом посреди себя не яко гостя и чужеземца, а яко единоземца и товарища родоименитого, доблестного воителя, его же слава прошла не только по нашим российским пределам, но достигла отдаленных стран – германских, римских, гишпанских, на него же возлагают упование сыны христианские.

– Наш, наш князь Димитрий Иванович, – говорил Данило Адашев, – пришел к нам, не пожалеешь. Здесь у тебя будут други верные. Вот, как я приезжал к тебе от царя-государя, тогда мы вели беседу и говорили: как бы ты был наш! Теперь стало так. Теперь праздник у нас на всю Русь!

Все обнимали и целовали Вишневецкого. Вишневецкий представил своих четырех атаманов, назвав их по именам, потом сел с боярами за столом; атаманы сели поодаль на скамьях. Курбский начал:

– Государь-царь выслал нас на разговор. А нам прежде тебя бы послушать да из твоих уст узнать о славных подвигах твоих.

– Какие подвиги! – сказал Вишневецкий. – Коли б и вправду что было сделано, то надобно все Богу приписать. А мне про себя сказать хорошего нечего. Разве своей неудачей хвалиться.

– Что же, – сказал Данило, – апостол Павел хвалился немощами, а твои немощи и неудачи славнее иных побед.

– Кто не слышал, – сказал Курбский, – как ты отбивался от многочисленных крымских орд на Хортице!

– А все-таки покинул Хортицу, – прервал Вишневецкий, – оттого что великий государь не прислал помощи впору, а тут король пишет: сведи казаков с островов. Вот Днепр опять в руках у поганых. Но дело поправится, если на то воля царская будет. В Крыму уже два года хлеб не родился; во всей орде траву выжгло; лошади пали; на скот падежей на людей мор. Теперь бы и ударить на поганых. Достался бы его царскому величеству весь Крым со всею степью; освободились бы христианские люди в Крыму, а их еще немало: станем мотчать⁵ – ино поганые детей их побасурманят, и души христианские пропадут. Государь-царь ко мне паче меры милостив: подарил мне Белев с волостями; но я не за своею корыстью приехал; у меня своих волостей довольно: все готов отдать за избавление братий своих, христиан, от поганых. Приехал я того ради, чтобы со своими казаками, вместе с вами, против неверных биться и царскому величеству крымский юрт покорить, а ему, великому государю, вся наша Украина готова челом ударить в вечное подданство.

– Князь Димитрий Иванович, – возразил Адашев, – для того чтобы нам Бог помог завоевать крымский юрт, невозможно учинять задор с королем, а надобно быть с ним в мире и союзе против бусурман.

– Довольно, – сказал Курбский, – дуrowали деды наши, бились промеж собою да бусурман нанимали одни против других: Москва на Литву, Литва на Москву. Теперь надобно Москве с Литвою и Польшею в дружбе жить и на поганых вместе идти.

⁵ Медлить.

– Оно бы так, бояре, – сказал Вишневецкий, – только у нас король Жигимонт-Август – одно имя ему что король, и телом и умом слаб. Всем у него заправляют ляхи, а ляхи нашей Русской земле добра не мыслят, да в союзе с ними быть – одна беда. К войне не годятся: им бы только объедаться да опиваться да на мягких постелях валяться. Вот то их дело! К тому же они люди непостоянные и в слове не стоят: войдут с вами в союз, а потом и сами на войну не пойдут, и казаков не пустят.

– О турецком царе надобно подумать, – сказал Адашев. – Крымский царь голдовник⁶ турецкого, и турецкий за него встанет. Дело-то нелегкое. Надобно заручиться крепким союзом с окрестными государствами.

– Турецкая сила, – сказал Вишневецкий, – страшна угорскому королю⁷ и польскому, а Московскому государству сделать большого зла она не может. Мы Крым завоюем, и нас турки из Крыма не выбьют, рать свою посылать в степь побоятся; а кабы на то дерзнули, так не достанут в степи корму ни себе, ни лошадям, и все пропадут от безлошадья и бесхлебья. Турский хвалится, что он непобедим, а отчего? Христиане никак не смолвятся между собою стать всем разом против неверных. Одно царство воюет и не совладевает с турком, а все другие думают: «силен турок», и каждый боится помогать тому, на кого бусурман пойдет.

– Об том, чтоб смолвиться всем на турка, речь идет многие лета; еще и до наших отцев и дедов про то говорили во всех царствах, да до сих пор Бог не благословляет, – сказал Алексей Адашев.

– И до тех пор то дело не станется, – сказал Вишневецкий, – пока одно какое-нибудь христианское царство без помощи иных турка не побьет. Вот, как мы Крым отнимем, все тогда скажут: бусурман не так могуч, как мы думали. Тотчас веницейская Речь Посполитая пошлет свои каторги на Беломорье, и цезарь пристанет, и мултаны, и волохи⁸ поднимутся, и персский царь пойдет на турка для того, что он ему старинный враг; а вы знаете, как недругу в чем неудача станется, так все, что прежде его боялись, кинутся на него. Вот только с ливонскими немцами надобно нам замирились, оттого что через то творится рознь в христианстве, а бусурмане тешатся.

– Ливонские немцы согрублили нашему государю, – сказал Адашев, – и наш государь на них за то послал свои рати, и многие города нам покорились. Пусть бьют челом нашему государю, а то вот они мира с нами не хотят, мейстер идет на наши города.

– Слух есть, – сказал Вишневецкий, – быть может, недруги вымышляют, будто московские люди в Ливонской земле поступали не по-христиански, людей мирных убивали, жен бесчестили, младенцев живота лишали; а в немецком языке книжки такие надрукованы, где описывается, как московские люди немецких людей мучат, и приложены рисунки тому, и то Московскому государству не в честь.

– Мало чего не пишут, – возразил Алексей Адашев.

– И мало чего на войне не приключается, – добавил Данило Адашев. – Коли делалось такое, так от татар, а не от наших.

– Прошлого года, – сказал Курбский, – я сам побил их многожды, и начальных людей их пленил, и не токмо не велел никого мучить, а приказал кормить и одевать и начальных людей к столу звал. А которые там простые люди, чухна и лотыгола, те немцев не любят сами и у нашего государя в подданстве быть хотят, и мы, воеводы, нашему государю даем совет, чтоб тамошних обывателей ласкать и льготы им давать, а не то чтобы жестокостью отгонять их от себя. Ныне же, ради общего христианского дела, войны с неверными, мы будем царю подавать

⁶ Вассал.

⁷ Угорской землей называли в то время на Руси Венгрию.

⁸ Под этими названиями известны были Молдавия и Валахия, область на юге Румынии, самостоятельные государства с XIV в. (в XVI в. под властью султанской Турции).

совет замирился с ливонскими немцами, лишь бы только они побили челом о мире. А ты, князь Димитрий Иванович, как думаешь, нам идти на Крым и в кое время?

– Прежде всего, – сказал Вишневецкий, – надобно поставить городок на Псле и поделат суда и струги, а с весны послать судовую рать по Днепру на море, до Козлова, а иная судовая рать пошла бы по Дону, на другой крымский берег, к Кафе. А разом послать на Крым черкесских князей, что царскому величеству послушны. А затем надобно однолично, чтоб царь-государь изволил сам выступить с главной ратью так, как он ходил под Казань, а то для того, что как сам царь пойдет; то за ним все смело пойдут; и наши казаки, услыша про царское шествие, все пойдут своими головами.

– А как много у вас казаков будет и какова их сила? – спросил Алексей Адашев.

– И каково их дородство? – спросил Курбский.

– У нас, – сказал Вишневецкий, – пословица есть: где крак, то есть по-вашему куст, там казак, а где байрак, там сто казаков. А какова у них сила бывает, я вам тотчас покажу.

Он обернулся к четырем атаманам и сказал одному из них что-то шепотом.

Вышел атаман, широкоплечий, высокий, смуглый, с черною бородою, с густыми нависшими бровями, с выдавшимися скулами и мрачным, невыносимо унылым выражением глаз. Он схватил одною рукою тяжелое кресло, на котором сидел Алексей Адашев, вместе с ним, высоко приподнял его и бережно поставил на пол.

– Это, – сказал Вишневецкий, – он из почести вознес боярина; а вот, коли крымского хана с его трона так поднимет, так уж не поставит на землю, а кинет, чтоб расшибся вдребезги. А хотите видеть их дородство воинское, так выведите их в поле и велите стрелять в цель: коли один промахнется, так велите меня самого застрелить... А как пойдет государь с ратною силою на Крым, то велеть посошным людям⁹ ваши возить запасы за государем и городки ставить, и в тех городках оставлять ратных людей с запасами, чтобы от города до города путь был чист; а государю идти на Перекоп. Вот мы с трех сторон ударим на крымский юрт, и христиане, что в Крыму живут, подымутся на бусурман.

– Ладно, право, ладно говоришь ты, князь Димитрий Иванович, – сказал Данило Адашев, – от радости дух замирает; слушаючи тебя, так и хочется в поле на бусурман.

– Твоими бы устами да нам мед пить, – сказал Курбский. – Вот только кабы все так думали, как мы, а то около государя есть сопровитники нашим замыслениям.

– Мы передадим твое слово великому государю, – сказал Алексей Адашев, – а как ему Господь Бог на душу положит, так и будет.

– А что это за Самсон такой, – спросил Курбский по окончании переговоров о деле, – откуда ты его достал?

– Кто он такой, – ответил Вишневецкий, – про то ни он, ни я не ведаем. Чаем только, что по отцу, по матери он ваш прирожденный московский человек.

– Как не ведаете? – спросили бояре.

Вишневецкий сказал:

– Будет назад тому годов более двадцати, ходили наши казаки на татар и разорили татарский аул, взяли одного раненого татарина в плен, а на его дворе был этот молодец, еще мал, лет, так сказать, десяти либо одиннадцати. Татарин показал на него и говорил: этот хлопец вашей веры был, мы взяли его ребенком в Московской земле и обрезали, а он был ваш, у нас есть крест, с него снят. Больше мы ничего не могли допроситься от татарина: он стал кончаться и умер, мы от его татарки взяли золотой крест.

– А парень по-русски умеет? – спросил Данило Адашев.

– Выучился меж нами, – сказал Вишневецкий, – а как взяли, так ничего не знал.

⁹ Сельское население (крестьянство), собранное с определенной площади, «сохи», на войну, общественные или государственные работы (постройка городов, мостов). Иногда называлось собирательным словом «посоха».

– Атаман, – сказал Курбский, – покажи нам свой крест.

Атаман снял с шеи золотой крест и подал его.

– О, здесь и надпись есть, – сказал Курбский, – и начал разбирать: благос... род... верно родителей... слово... а другой буквы не разберу, не то люди, не то мыслете: сыну первенцу... глаголь... рцы... еще что-то... Посмотри ты, Алексей Иванович.

– Не разберу, – сказал Алексей Адашев, посмотрев на надпись.

– Палки какие-то, – сказал Данило Адашев. – Ты, дьяк, не прочтешь ли? – продолжал он, обратившись к Ржевскому.

Ржевский стал пристально рассматривать крест, поглядывая также на атамана, который стоял с видимым равнодушием, вперивши глаза в пустое пространство.

– Над глаголем что-то есть, – сказал Ржевский, – а что такое, Бог его знает... Край стерся, а за глаголем еще слово какое-то было, да от него осталась только палка.

– Да, – сказал Вишневецкий, – и у нас не прочли – казаки не знали, как ему имя дать: не то Григорий, не то Георгий, не то Гаврила; не знали, крестить ли его в другой раз или нет, и отослали его к киевскому митрополиту. И митрополит разбирал на кресте надпись и не разобрал, а крестить его в другой раз не велел, для того что он хоть и был обрезан, да поневоле. Митрополит прочитал над ним молитву и дал ему имя Георгий. Тогда взял его к себе казак Тишенко, и он по нем стал зваться Тишенко ж, а другое прозвище дали ему Кудеяр, по тому аулу, где его нашли казаки; и стал он казак из казаков, силен, видите сами, каково, а на неверных лют зело и к церкви Божией прилежен.

– А ты, – спросил Курбский Кудеяра, – живучи у татар, знал, что ты русский человек?

– Мало знал, – ответил Кудеяр. – Они со мной много не говорили, держали черно, как невольника.

Вишневецкий сказал:

– Казак Тишенко женил его на своей дочери, и пожил они в большой любви между собой, только недолго, года четыре: набежали татары, а Кудеяр был в походе; татары у него молодую жену увели. Все казаки собирались выкупить жену его из плена, да узнали, что ее кто-то купил в Кафе на рынке, и теперь неизвестно, где она.

– Вот несчастье! Вот горе! – говорили бояре.

Вишневецкий продолжал:

– Долго он томился, и поклялся отомстить бусурманам. Уж не раз он давал себя знать им. На войне совсем себя не жалеет, и один Бог его спасает; никогда не приведет в полон татарина, а кого поймают, сейчас бьет без милости. Иногда уж и я его журю за большую лютость: мало того, что бьет, еще мучит, кого поймают.

– Как мне не бить их, собачьих сынов, – сказал Кудеяр, – когда они, быть может, у меня отца и мать убили, меня самого побусурманили и с женой разлучили!

– Бедный! Бедный! – сказал Курбский. – Ну а силищей тебя наделил Бог. Быть может, как мы государю скажем, он пожелает призвать тебя перед свои очи.

– Воля государская будет, – ответил Кудеяр.

– А давно у тебя жену полонили? – спросил Данило Адашев.

– Шестой год, бояре, – сказал Кудеяр.

– Божьи судьбы неисповедимы, – может, и обрящешь, – сказал Данило.

– Где сыскать ее, – ответил Кудеяр, – белый свет велик. Об этом я не думаю, одна у меня мысль: бусурманов бить.

– И христианству служить, – добавил Алексей Адашев, – всякими путями, как Бог укажет...

Бояре разошлись. Курбский пригласил Вишневецкого на пир и пожелал, чтобы с ним приехал Кудеяр.

В гостях у Курбского были сподвижники казанского взятия, все, как хозяин, желавшие войны с Крымом. Кудеяр показывал перед гостями свою необычайную силу, но отвечал на расспросы гостей короткими словами и поражал всех своею молчаливостью и угрюмостью.

– Молодец он! Молодец! – говорили развеселившиеся у Курбского бояре. – Но что он так в землю смотрит?

– Горе у него великое, – говорили другие.

Курбский, подвыпивши, с обычным своим красноречием, рисовал перед слушателями грядущее торжество покорения Крыма. Данило Адашев с живостью представлял перед гостями, как он будет вязать татарских мурз, как государь въедет на белом коне в Бакчисарай, подобно тому, как въехал в Казань; как русские станут обращать мечети в Божьи храмы... Алексея Адашева не было. Он никогда не являлся на пиры, и приятели его, зная это, не сердились на него. Все привыкли с Адашевым говорить только о деле. Обязанный принимать каждый день просьбы, подаваемые на имя царя, он говорил, что каждая минута, проведенная им праздну, есть грех, потому что через то могут терпеть невинно обиженные и нуждающиеся. Никто не видал этого человека смеющимся, и зато никто, имевший повод плакать, не уходил от него без утешения: ему было не до пиров.

II. Юродивый

Война с Крымом составляла тогда живейший вопрос московской политики. После счастливого покорения Казани, после легкого затем покорения Астрахани на очереди стоял Крым; Москва разорила уже два хищнических гнезда, свитых из обломков Батыевой державы; оставалось разорить третье, самое опасное. Дело было трудное, зато от успеха можно было ожидать больше пользы, чем от прежних побед. Много скоплялось препятствий для исполнения великого предприятия, но главное препятствие было то, что в совете около царя не стало уже прежнего единоумия, прежней решимости, прежнего воодушевления.

Десяти лет не прошло с той поры, как вся Русь со своим царем шла на Казань; тогда всех мужей думы и рати соединял священник Сильвестр¹⁰. Теперь многое стало изменяться.

Хотя отец Сильвестр все еще не переставал действовать на царя Ивана Васильевича спасительным страхом, хотя все еще казался царю человеком, облеченным силою свыше, но чувство зависимости уже давно тяготило царское сердце. С молоком кормилицы всосал Иван Васильевич мысль, что он рожден поступать так, как ему захочется, а не так, как другие советуют; на деле же выходило, что он делал все так, как другие ему подсказывали и, главное, как захочет поп Сильвестр. Не вдруг, а мало-помалу, как капля за каплей пробивает камень, сознание своего самодержавия освобождало Ивана Васильевича от гнета, давившего его, словно домовый сонного человека. В описываемую нами пору царь Иван боялся Сильвестра, но не терпел его. Сильвестр не ладил со многим таким, что было сначала с ним заодно. Царица Анастасия, горячо и нежно любившая своего супруга, невзлюбила Сильвестра: она видела и понимала, как Сильвестр, словно дурачка, держал царя в руках страхом посылаемых ему свыше откровений; притом же Сильвестр раздражил нервную и болезненную царицу тем, что в качестве духовника государя хотел подчинить его супружескую жизнь правилам своего «Домостроя». Братья царицы, Захарьины, возненавидели Сильвестра после того, как во время опасной болезни, постигшей царя Ивана, Сильвестр, вместе с некоторыми боярами, помышлял на случай царской смерти о таком порядке правления, который бы оградил Русь от власти Захарьиных при малолетстве наследника престола. Из двух братьев царицы Никита хотя и не любил Сильвестра, но, сам по себе будучи человеком честным, воздерживался от всяких козней против него; зато другой, Григорий, злой и коварный, не останавливался ни перед какими мерами, готов был на всякую черную клевету, на всякие козни. Он нашептал царю, что Сильвестр мирволил честолюбивым затеям царского двоюродного брата, Владимира Андреевича, будто бы добивавшегося престола в ущерб правам Ивановых детей. Пользуясь набожностью сестры, Григорий Захарьин беспрестанно подбивал ее таскать с собой царя по монастырям, чего не хотел Сильвестр, вообще не любивший тогдашних монахов-тунеядцев; Григорий свел царя Ивана с иноком Григорием Топорковым, бывшим ростовским епископом, который в тайной беседе с царем пристыдил его и дал ему приятный для него совет: никого не слушаться и делать так, как ему вздумается.

Козни Григория и наговоры любимой жены хотя настроили царя Ивана враждебно к Сильвестру, но все еще не могли побудить царя к решительному разрыву с своим духовником. Иван любил жену, насколько бывают способны к любви такие эгоистические натуры. Иван колебался то туда, то сюда. Вот под влиянием жены и ее братьев он возгорался злобою про-

¹⁰ Явное преувеличение. Существует легенда, согласно которой новгородский священник Сильвестр появился в Москве в 1547 г. и его проповеди оказывали громадное воздействие на юного царя. Летописец сообщает об этом (правда, задним числом, много позднее в тенденциозной приписке) с недоброжелательностью: «Бысть же сей священник Селиверст у государя в великом жаловании... указывайте бо и митрополиту... и бояром и дияком и приказным людям и воеводам...» В казанском походе 1552 г. Сильвестр участия не принимал. Близкий к членам «Избранной рады», в 1560 г. он был обвинен в отравлении царицы Анастасии, первой жены Ивана IV, и сослан в Соловецкий монастырь.

тив Сильвестра, а Сильвестр – напомним царю, что муж есть глава жены, и даже еще заметит, как бы так вообще, не относя свое замечание к царю, что плохо поступает тот муж, который во всем слушается своенравной жены, тогда Иван проникнется своим достоинством супруга, начнет сердиться на жену; но жена разольется в слезах, и царь помирится с нею, а потом, ей в угоду, опять покажет злобу к Сильвестру; вслед за тем, по привычке верить в чудодейственную силу Сильвестра, сам испугается своей смелости и старается примириться с Сильвестром. Сильвестр укажет царю на что-нибудь такое, что удобно объяснить знаком Божьей воли; Сильвестр что-нибудь кстати предскажет, и предсказание сбудется; Сильвестр озадачит царя каким-нибудь текстом, каким-нибудь примером из священной и византийской истории, так что царь не может против того ничего отвечать и склоняется пред мудростью духовника. Можно сказать, что все козни против Сильвестра долго бы не могли подорвать его могущества, если бы Сильвестр, как прежде, находил себе опору в боярах. Но уже некоторые бояре, прежде во всем слушавшие Сильвестра, стали, подобно царю, тяготиться нравственной зависимостью от попа, самолюбие их уязвлялось, и вот, вместо того чтобы, как прежде, принимать беспрекословно его советы, замечали они Сильвестру, что люди мирские более его, попа, смыслят в государственных и военных делах. Роковым событием для Сильвестра была представившаяся тогда необходимость выбора между Крымом и Ливонией. Отец Сильвестр советовал царю не трогать ливонских немцев, жить вообще в мире с христианскими странами и, напротив, стараться подвигнуть их вместе с Россией на бусурман, а между тем самому идти на Крым и собственноручно водрузить крест на том месте, где святой Владимир принял крещение. В царской думе не все разделяли такое мнение: одни были за войну с Крымом, другие соблазнялись легким, как им казалось, завоеванием Ливонии и приобретением моря. Сам Алексей Адашев поколебался было и не стал отклонять царя от войны с немцами; царь прельщался надеждою овладеть сильными германскими градами, о которых имел смутное представление, смешивая Колывань (Ревель) с Нюрнбергом, Ригу с Регенсбургом. Духовные сановники охотно благословляли царя на брань с еретиками латинами и люторами¹¹ главным образом оттого, что знали, как это неприятно Сильвестру, а они не любили Сильвестра за то, что он, будучи не более как поп, был сильнее архиереев не только в светских, но и в духовных делах. Царица Анастасия не удерживала царя от войны с Ливонией оттого, что никто не требовал, чтобы царь сам шел в поход на немцев; а крымской войны царица очень боялась, она знала, что царя Ивана повлекут в Крым, как повлекли под Казань¹². Ливонская война открылась¹³. Священник-временщик с самого своего приближения к царю не привык еще, чтобы делалось что-нибудь противное его желанию; он сильно досадовал, он выходил из себя, особенно когда злодеяния, совершенные татарами Шиг-Алея в Ливонии, давали ему благовидный повод вопиать против напущения бусурман на христианское жительство; он называл Ливонию бедной вдовицей, угрожал за нее России гневом Божиим, предсказывал неудачи... Но что же? Как бы ему в обличение, вместо неудач успех следовал за успехом! Сильвестр опускался.

Крымское дело, за которое он стоял, ограничившись неважным по своим последствиям походом дьяка Ржевского и Данила Адашева, почти совсем оставлялось. Теперь приезд князя Вишневецкого поднимал его снова. Смелый и речистый князь Димитрий Иванович обладал

¹¹ То есть с протестантами и католиками.

¹² Здесь Н. И. Костомаров следует версии князя А. М. Курбского, писавшего в «Истории о великом князе Московском» о трусости Ивана Грозного, о том, что его против воли вынудили идти в казанский поход 1552 г. В свою очередь, официальная летопись приписывает молодому царю инициативу похода и его личному руководству успешную осаду и штурм 2 октября 1552 г. Анастасия 16 июня в Москве провожала царя в поход, благословляя его стремление «душу свою положить за православную веру и за православных христиан».

¹³ В январе 1558 г. русские войска перешли ливонский рубеж. Весной была взята Нарва, а летом возвращен Юрьев (Дерпт), основанный далеким предком Ивана Грозного – Ярославом Мудрым.

большим даром внушать к себе любовь и увлекать других за собою; на пире, данном Курбским, многие из бояр воодушевились уже мыслью о войне.

Вслед за тем у царя Ивана Васильевича собралась Боярская дума. Люди, отличившиеся при взятии Казани, князья Серебряный, Горбатый, Воротынские, Микулинский, Щенятев, Темкин, вслед за Алексеем Адашевым и Курбским, сильно поддерживали тогда войну с Крымом. Но против них восстал князь Петр Шуйский, гордый своими успехами в Ливонии. Он стал доказывать, что неблагоприятно оставлять начатое завоевание страны и вдаваться в новую войну, которая непременно втянет Московское государство в войну с Турцией. Шуйский говорил так хладнокровно, так рассудительно, что некоторых поколебал, а других заставил призадуматься. Большинство, однако, все-таки было не на его стороне; но царь пристал к нему: у Ивана постоянно торчала в голове гвоздем мысль, что он самодержавен и потому многие должны делать так, как он хочет, а не так, как многим хочется; видя, что в думе большинство за войну с Крымом, Иван рад был, что нашелся противник этого мнения, и пристал к нему. Кроме того, Ивану Васильевичу не хотелось, по трусости, самому идти на войну: ведь и в Казань ходил он поневоле. Порешили обдумать и обождать. Между тем пришло известие из Крыма, что хан Девлет-Гирей отправляет в Москву посольство просить у царя мира и дружбы и отпускает захваченных во время набегов московских пленников. И желавшие войны с Крымом, и не желавшие войны выводили из этого благоприятные заключения. Желавшие говорили, что это посольство хана означает его бессилие, боязнь перед русским оружием, и потому следует поскорее начать с ним войну. Не желавшие войны говорили: «Вот и хорошо, значит, можно и без войны примирить хана, постановить с ним хороший мир, корыстный для московской державы». Таким образом, вопрос о войне оставался нерешенным. Сторонники войны с Крымом были сильно огорчены, но не теряли надежды и приискивали средства и меры повернуть дело на свой лад. Никто из бояр не желал так войны с Крымом, как князь Курбский: после неудачи в думе стал он тайно советоваться с Сильвестром и придумывал меры, как бы расположить царя к войне с татарами.

Царь Иван любил развлекаться чем-нибудь чудным, необыкновенным, таинственным. Блаженные, юродивые, предсказатели, тайновидцы занимали его и находили к нему доступ. В Москве не переводились этого рода люди; одни исчезали, другие появлялись. Тогда в Москве обращал всеобщее внимание недавно появившийся блаженный, сухощавый старик, высокого роста, с длинными и белыми волосами, с большою продолговатою бородою, в черном длинном одеянии из грубой шерсти, наподобие рубахи, в остроконечной шапке, с палкою наравне с его головою и всегда босой. Никто не видал у него котомки за плечами; не было у него постоянного приюта в Москве; иногда он ночевал где-нибудь в теплой избе христоробца, а иногда на улице подле церкви. Никто не знал, откуда он и кто он; разные догадки и слухи распространялись о нем по Москве. Некоторые замечали в его выговоре как будто что-то нерусское; одни говорили – он из Рима, другие – из Ефеса, третьи – из Эфиопии, четвертые – из царства индийского; иные уверяли, что он русский из стран поморских, двадцать лет сидел на болоте, питался быльем и кореньем, а некоторые делали догадки, что он человек знатного рода, обрекший себя на нищету царствия ради Христова. Он, говорили о нем, видит, что делается за сто верст, угадывает мысль человеческую, предсказывает будущее; но когда с ним пытались заговаривать, то он отвечал обыкновенно так, что трудно было понять истинный смысл его речи. Этот блаженный был вхож к Сильвестру, несмотря на то что Сильвестр недолюбливал людей такого рода. Блаженный, приходя к Сильвестру, не юродствовал перед ним, но всегда говорил что-нибудь разумное; а когда Сильвестр спросил его: кто он таков? – блаженный, вместо ответа на такой вопрос, просил Сильвестра никогда уже более не спрашивать об этом. Блаженный удивлял Сильвестра короткими намеками на разные предметы, касавшиеся тогдашней политики, земского и церковного строения; ничто, казалось, не было ему чуждо, все его занимало. Когда прибыл Вишневецкий и представлялся царю, блаженный пришел к Сильвестру и с большим

сочувствием говорил о войне с неверными. Сильвестр рассказал ему, что слышал от других о Вишневецком, об его казаках, и заговорил об атамане-силаче с таинственным крестом.

Блаженный слушал с напряженным вниманием, и на его лице мгновенно показалось и исчезло как бы выражение испуга, так что Сильвестр спросил его:

– Уж не догадываешься ли ты, чей родом такой этот неведомый московский человек?

– Нет, – задумчиво сказал блаженный, – мало ли чего может быть похожего, да если б...

Мир христианству! Мир христианству!

Сильвестр, однако, видел, что блаженный чего-то смутился, и хотел было допросить его, но блаженный сказал:

– Подобаает православной рати идти на освобождение многих тысяч крещеных братьев – и тот, что с золотым крестом, пусть идет, и тот, что с медным. Духовное рождение паче телесного!

Когда поход в Крым не решен был в думе, блаженный пришел к Сильвестру, который сообщил ему об этом, и прибавил:

– Тебе бы говорить всем православным христианам, чтобы единомышленно ополчились за крест святой, и самого царя благочестивого подвигать бы тебе на брань.

После того блаженный стал являться у Архангельского собора и кричать изо всех сил: «Ночь проходит, заря занимается, роса падает, млеко с неба польется». Царь увидал его и велел позвать к себе во дворец.

Вошедши к государю, блаженный упал на землю, протянув руки вперед, а потом вскочил и закричал во все горло:

– Царь, иди бусурман бить.

– Садись, божий человек, – сказал царь, проникнутый страхом от такой неожиданной выходки.

Блаженный сел на полу. Царь приказал подать ему вина и сластей. Блаженный вскочил, взял кубок, поднес к губам и начал лить мимо рта по бороде; потом, как будто поперхнувшись вином, поставил кубок и, кланяясь в землю, говорил:

– Прости, царь-государь, не вели казнить, смилуйся, пожалуй! Не умею вина пить! Дурак я неотесанный, мужичина деревенский!

Потом блаженный взял с блюда несколько сухих вареных плодов, быстро спрятал их за пазуху, улыбнулся и сказал:

– Ребятишкам отдам.

– Каким ребятишкам? – спросил царь.

– Тем, что будут воеводствовать в Крыму, когда вырастут.

– Как! В Крыму?

– Да, в Крыму, когда Крым завоюют.

– Кто его завоеует?

– Русь.

– Когда?

– Когда Бог даст.

– Не я?

– Как пойдешь на войну, так ты завоеуешь, а как не пойдешь, так не ты, а другие после тебя завоеуют, а тебе будет срам и великое досаждение от неверных.

– Какое досаждение?

– Побьют тебя не в пору и Москву сожгут, как уже сожигали при твоих отцах.

– А разве мне будет победа, когда теперь пойду на войну?

– Победишь.

– Отчего ты это знаешь?

– В Лукоморье сказали.

– В каком Лукоморье?

- Все расскажу, коли хочешь, только тебе одному.
- Говори.
- Говорить?
- Говори.
- А ты не прибьешь? Дай царское слово, что не прибьешь.
- С чего я стану божьего человека бить!
- То-то, не прибей, а то больно будет, я перед Богом пожалуюсь.
- Говори, не бойся.
- Ну так слушай. Далеко, далеко, за Пермью великой, есть горы каменные, высокие; а за

теми каменными горами есть югорская страна и живут там люди малорослые, называются югра; страна-то холодная, а в ней зверья много и рыбы, а за югорскою страню течет река Обь, а за тою рекою, за Обью, протянулась верст, почитай, на тысячу степь сибирская; на той степи ничего не родится, и земля размерзает летом не более разве как на два пальца; за тою степью будет море ледяное; никогда то море не тает, а будет того моря верст на тысячу али больше; никто до того моря не доходит, а не то чтобы перейти его. А коли б какой человек по Божьей воле перешел то море ледяное, ино тот человек увидал бы чудеса невиданные, недомыслимые, чего и во сне никому не привидится и человеку на ум взыти не может. Пришел бы тот человек к берегу высокому, а взойти на тот берег высокий некоторыми делы невозможно: круто зело, разве сила Божья человека туда поднимет. А как подняла бы сила Божия того человека на гору, ино увидал бы он за горою страну светлую, теплую, зеленую; а как сошел бы, примером говорю, человек тот с горы, и была бы перед ним река: вода в ней чистая и прозорчистая. Стал бы тот человек и думал: «Куда Ты это, Господи, занес меня?» А тут с другой стороны реки дерево клонится, клонится и легло поперек реки. Тот человек сотворил бы крестное знамение и пошел бы с ветви на ветвь по тому дереву, и перешел бы реку, и стал бы ступать ногами по траве, мягкой, аки шелк; солнце светит и не палит, а на деревьях висят плоды, каких на земле нет, и пташки на ветвях поют зело сладкими гласы, и в аере благоухание неизреченное. И вот, против того человека идет навстречу некий старец, беловлас, зело благообразен, и осклабляется, и говорит: буди здрав, человеце божий, пришедший семо, не по своему хотению, а по Божьему велению; идем в нашу обитель. Человек тот и пошел за старцем, и видит: церковь стоит, верхи у ней золоты, а кругом церкви древеса, а под теми древесами сидят единонадесять старцы в одеждах белых, аки снег; а тот, что прихожего человека привел, двенадцатый, и говорит старец он тому прихожему человеку: «Се обитель наша, келий у нас нет, для того что незначем: в сей стране не бывает ни дождя, ни снега, ни зноя, ни стужи, ни бури; нет здесь ни зверя лютого, ни гада ядовитого, ни комаров, ни мух, ни птиц хищных; не бывает на нас ни скорбей, ни болезней, и смерти еще никто не вкусил от нас. Церковь сия, идеже приносится бескровная жертва, построена не нами, а ангелами невидимыми». Тогда те старцы встали и сказали прихожему человеку: «Пойдем вместе с нами в храм Божий помолиться». И вошел прихожий человек в церковь, и видит: иконостас весь от злата, а престол от каменья самоцветного; один старец облекся в ризы белые, паче сребра блестящие, а прочие клирошанами стали; и как начали они службу Господню, и показалось прихожему человеку, что он как бы на небе, паде на землю челом, сам плачет, а на душе ему легко и радостно. А после службы все вышли и сели за трапезу под древесами и прихожего человека с собой посадили; и ели хлеб белый, мягкий и плоды, и вино пили, а то вино таково, что только капля в уста внидет, то по телу разливается неизреченное веселие. И говорят старцы: «Мы хлеба не сеем и не печем, дерево у нас таково есть, что хлеб родит, и вина мы не делаем: само течет из ягод виноградных». А окончив трапезу, все встали и воспели, и тогда старец тот, что священнодействовал, так говорил прихожему человеку: «Бысть некогда царство греческое, царство над царствами, а в нем царствующий град Константин, Царьград наречеса, занеже над всеми градами земными царь бе. Тако пребысть, донележе, наущением богомерзкаго папы Формоза, отпаде ветхий Рим от благочестия и с ним

вкупе страны западныя во тьму еретичества уклонишася, точию в гречестей стране благочестие не изсякаше; но действием дьявольским мнози от православных христиан совратишася с пути истинна, впадоша в блуд, в чревонеистовство, враждование, волшвление, чародеяние и во вся тяжкая, и Господь во гнев своем посла на них агарян нечестивых и предаде грады и веси их на расхищение, и мнози христиане мечем посечены быша, и мнози храмы святыя и обители честныя обращены быша в ропаты (капища) скверный, и по всей земли начата нечестивые агаряне мучиги иноки честные, нудяще их отрещися равноангельскаго иноческаго жития, повелевающе им мяса ясти и блуд творити. В оное время жиша во едином же месте дванадесять старец, отцы пустынный, пребывающе выну в молитве, и тии волею Божиею внезапно восхищены беша и во мгновение ока пренесены в страну сию, идеже ныне ны зриши. Принесенным нам бывшим явися нам ангел Божий, рече: “Зде пребудете выну молящися и живуще непорочно, дондеже свершится исполнение времен и смилуется Господь над людьми своими и освободит их рукою крепкою и мышцею высокою от неволи бусурманския. Ведомо буди вам, яко по мнозех летех воздвигнется держава греческая и паки возсияет вера благочестивая в Царьграде и во иных градах страны твоя, и тогда паки пренесены будете в первое место и тамо скончаετε земное житие свое и отыдете в покой вечный, тела же ваша пребудут во свидетельство родом грядущим. Донележе сие сбудется, живуще зде не узрите никого же от мира, от него же взяти бысте, и не услышите гласа его; егда же приблизится время исполнения завета Господня, тогда волею Божиею придет к вам семо муж некий, восхищен от мира, и тому поведайте сия, яко приблизися час торжества всего христианства и падения неверия агарянскаго”».

– Посем, помолчавши мало, старец сказал прихожему человеку: «Возвратися в страну российскую и поведай сия имущим любовь и ревность Божию, наипаче же благочестивому царю, единому под солнцем сущему. Блажен иже имать веру словесам твоим, а иже не имать веры и явится пред ним тощ глагол твой, того постигнет нечто от язв, уготованных неверным в день воздаяния по делом их. Аще кто не убоится и идет на брань с неверными, тому отпустятся грехи, и не точию ему, но и роду его даже до четвертаго колена, а иже убоится и не идет на брань, той посрамлен будет пред ангелы в день судный». После сих слов один старец увел прихожего человека к реке; древо наклонилось, и прихожий человек прошел по нем на он-пол реки и абие восхищен бысть на воздусе и принесен в страну свою.

Царь слушал блаженного с жадностью, но тут закралась ему мысль, не хитрит ли этот блаженный, не подучен ли он сторонниками войны с Крымом, хотя в то же время кара, обещанная в рассказе блаженного за неверие, смущала его. Помолчав немного, царь сказал:

– Что же этот прихожий человек, был он русский родом, что Яй? А коли русский, то как он говорил со старцами? Они ведь греки и по-русски не разумеют.

– А разве русский не может научиться по-гречески? – ответил блаженный. – А коли б не научился, разве Бог не может отверзти ему разум, так что, не знаячи греческой речи, все поймет? Апостолы не учились языкам, а когда сошел на них Дух Свят, то и заговорили на всех языках.

– Правда, – сказал царь. Потом, помолчав немного, спросил:

– Этот человек, что восхищен был к старцам, – ты?

– Я ли, не я ли, – отвечал блаженный, – не все ли тебе равно? Писание глаголет: «Имеющие уши слышати да слышат».

Царь опять замолчал, а лицо его все более и более принимало суровый вид. Наконец, взглядываясь в лицо своего собеседника, царь спросил:

– Кто ты таков? Как тебя зовут? Откуда ты?

Блаженный вскочил, замахал руками и закричал:

– Ай! ай! Я говорил, что прибьешь, вот же и прибьешь!

– Я тебя бить не стану, – сказал царь, – я только тебя спрашиваю, кто ты таков?

– Мужик, – отвечал блаженный.

– Как тебя зовут? Откуда ты?

– Меня зовут грешный человек, а родом я по телу от Адама, а по душе от Бога.

– Ты не ковыляй, а отвечай толком, – сказал царь. – Что ты, не знаешь разве, куда зашел, кто тебя спрашивает?

– Знаю, знаю, – сказал блаженный, – ты государь и можешь со мною сделать все, что захочешь. Вели положить меня на землю да поливать горячим вином, как ты это делал с псковичами. Помнишь... Когда упал большой колокол в знамение грядущей тебе кары – а скоро после того пожар... мятеж... И ты сам чуть не пропал от народного мятежа¹⁴.

Воспоминание об ужасных событиях покорило царя. Он задрожал, побагровел, волосы на голове его наежились; он сжал кулаки, как будто собираясь уничтожить дерзкого загадочного человека, а тот смотрел на грозного владыку с таким выражением лица, как будто хотел сказать ему: «Не бесись, царь, ты со мной ничего не можешь сделать».

– Ступай вон с глаз моих! – крикнул наконец царь.

Блаженный поклонился и произнес:

– Аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят! Маран-афа!

Сказавши это, он повернулся и добавил:

– И епископство его примет ин.

– Стой! – закричал царь.

Блаженный остановился и спокойно смотрел в глаза озлобленному царю.

Царь сказал:

– Кому ты это изрекаешь проклятие? Чье епископство ты предлагаешь кому-то иному?

– Это тому, кто не любит Господа нашего Иисуса Христа, – ответил блаженный.

– Ты думаешь обо мне, что я не люблю Его? – сказал царь.

– Царь-государь, – сказал блаженный, – ты уверил меня царским словом, что не прибьешь меня. Дурак-мужик тебе нес безлепицу. Ты ведь всех людей умнее, для того что ты царь. Не слушай дурака, прощай.

И блаженный быстро побежал вниз по лестнице, произнося:

– Что дурака умному слушать! Дурак дурацкое говорит; а вот как умному придется потеть голову, так и дурацкие речи вспомнит.

Последние слова блаженного звучали в ушах царских роковым предсказанием чего-то страшного. Противоречивые думы волновали царскую голову. То казалось Ивану, что этот блаженный подучен Сильвестром, то царь боялся остановиться на этом подозрении. Наконец, царю блеснула мысль призвать к себе Сильвестра и допытаться: не подослал ли протопоп к нему этого блаженного?

Перед царем предстал сухощавый человек, лет за пятьдесят, большого роста, с длинной седоватой бородой, в черной суконной ряске, в маленькой шапочке. В его глазах было что-то доброе и вместе суровое, что-то испытующее и вместе насмешливое; все черты лица его как бы говорили: «Я вас вижу насквозь, куда вам до меня?»

– Отче, – сказал царь, – у нас в думе идут все речи разные, несогласные. Одни говорят – надобно воевать с крымскими татарами, а другие говорят – не надобно, чтобы не остановить войны с немцами. Как, отче, даешь ли мне благословение на войну с Крымом?

– То дело твое и боярское, – ответил Сильвестр. – Наш голос что есть, аще от себе, а не свыше глаголем? Сильные мира сего не внимают нам, и то добре: поп знай свой алтарь да

¹⁴ 26 июня 1547 г. вооруженные, как тогда говорили, «черные люди» ворвались в Кремль, возмущенные поборами правительства Глинских, родственников матери Ивана Грозного – Елены Глинской. В немалой степени «мятежу» способствовали распространявшиеся в народе слухи о Глинских, будто бы «попавших колдовством» город (в июне Москву охватили пожары, ставшие причиной гибели многих людей). Молодой (ему было 17 лет) и всего лишь за полгода до того венчавшийся на царство Иван Грозный «утек» в село Воробьево, но разъяренная толпа «скопом» явилась и туда. Долго еще помнил царь Иван Грозный, как «изменники напустили были народ и нас убить...»

свой потребитель, боярин же знай совет и ратное дело; посадский человек – свой товар и лавку, а уездный – свое поле да соху.

Всяк твори, к чему призван. Ты же призван свыше властвовать над государством, творить правду и от сопостат защищать христианское жительство. Есть у тебя советники и слуги, с ними думай; им то дело за обычай.

– Я верую мудрости твоей, отче, – сказал царь. – Ты многожды давал мне мудрые советы, и теперь хочу спросить тебя.

– Мудрость человеческая буйство есть перед Богом, – сказал Сильвестр. – Паки реку: еще от себе глаголем, не верь нам, еще не от себя, а от Бога – повинуйся словесам нашим, занеже повинуешься Богу, а не нам. Испытай, царю, своим царским разумом: еще от Бога, или от себе глаголем. Ты, царь-государь, рассердился на меня за то, что я тебе говорил: не начинать бы тебе войны с немцами, а идти тебе войною на бусурман. И поделом бы то мне, негодному попишке, если бы я от своего ума говорил, только то было говорено не от себя, а свыше. Так, государь.

– Война с ливонскими немцами идет счастливо, – сказал царь. – Наши войска побивают сопостат. Вся ливонская страна скоро наша будет; Бог, видимо, благословляет нас.

– Конец делу венец, государь-царь, – сказал Сильвестр. – Бывает, что Бог попускает совершаться неправому делу, а потом за него карает, паки реку тебе не от себя, но от Бога. Правая брань бывает тогда, когда обороняют святую церковь и жительство христианское от нашествия сопостат; а немцы на российскую державу не находили, ты, государь, стал истязать у них неудобоемлемую дань, и, понеже невозможно заплатить им тое дани, ты послал разорять их, да еще кого послал! Татар неверных... Еще бы я сказал, что сие благо есть, солгал бы Духу Святому. Ты на меня осердился; во всем твоя воля.

– Приехал из Литвы князь Вишневецкий, зовет на крымских татар, – сказал царь. – Идти нам на татар?

– Всяко дело во благовремении конец благий приемлет, – ответил Сильвестр. – Еще же не благовременно начинается, трудно и нужно творится. Не имам повелений свыше, а своим худоумным разумом что могу сказать? Советуйся с боярами, людьми думными и ратными.

– Ко мне, – сказал Иван, взглядываясь пристально в глаза Сильвестра, – приходил какой-то блаженный и чудные дела говорил о некоей дивной стране, где живут дванадцать старцев, и те старцы якобы предвещают конец бусурманства и велят идти войной на бусурман.

– Бывают, государь, – сказал Сильвестр, – видения истинные, бывают и ложные, якоже и Никон Черные Горы пишет в своей книге; а я тебе, государь, ту книгу давал чести¹⁵. Сему подобает внимати со рассмотрением.

Иван Васильевич отпустил Сильвестра ласково, ничего от него не допытавшись, и остался еще в большем недоумении, чем прежде. Между тем у Сильвестра был соперник, чудовский архимандрит Левкий. Он не имел и десятой доли того обаяния, каким обладал Сильвестр, зато отличался качествами, которыми привлекал к себе царя. Слушая Сильвестра, царь сознавал, что Сильвестр скажет так умно, как ему самому не выдумать; царь чувствовал, что Сильвестр умнее его, и царь ненавидел Сильвестра. Левкия, напротив, царь считал глупее себя и всегда встречал от него одобрение и оправдание того, что ему хотелось; за то царь любил его. И по наружности Левкий составлял противоположность Сильвестру: маленького роста, сутуловатый, с глазами, выражавшими подобострастие, он постоянно держался перед царем с тем напряженным вниманием, с каким человек боится проронить слово из речей своего собеседника. Когда царь обращался к Левкию как бы за советом, Левкий не задумывался, выступал со своим советом смело, решительно, как будто против царя, но говорил именно то, что царю

¹⁵ «Книга Никонское правило...», известная как Пандекты Никона Черногорца, действительно была знакома Ивану Грозному: один из ее списков он вложил (подарил) в Троице-Сергиевский монастырь.

было приятно. Царь Иван Васильевич любил тешиться над архимандритом; архимандрит поддавался этому и сам веселил царя.

Царь позвал Левкия.

– Пьян, архимандрит, – сказал Иван Васильевич. – Не проспался? Ей, рыло-то! Преподобное рыло! Опухло с перепоя!

– Испиваю, государь, – сказал Левкий, – писано бо есть, в беззакониях зачат есмь.

– А зачем же писано: не упивайтесь вином. В нем же... знаешь, что в нем?

– Некая ковыка недоуменная, государь; а другое место говорит: воды не пей, но вина...

– Вина? Остановился? А? Боишься договорить? Написано: «вина мало»... а ты дуешь какими ковшами?

– По чину, государь, и по телесной нужде сто маха ради и частых недугов. А что написано: вина мало пей – ино лошади ведро воды не много выпить, а кабы человек выпил ведро разом? А вот в Писании говорится: «мытари и любодейцы варяют¹⁶ вы в царствии небесном», а оно значит: мытари были когда-то, а теперь мытарей нет, а есть монахи-бражники, пьяницы, вместо мытарей – они-то прямо в рай пойдут. А отчего? Они неповинны, аки младенцы. Аще что и согрешат, не вменит им Бог греха, сами бо не ведают, что творят. Говорят же: невозможно прожить без греха, а коли грешить, так лучше пьяному, чем тверезому. И еще писано, государь: «се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупе!» А коли братия сойдется вкупе, ништо обойдется без вина?

– Хорошо, – сказал царь, – выпей же, коли так.

– Левка всегда пить готов, – сказал архимандрит, – а коли государь-царь велит, то как же Левке царского указа не исполнять?

Принесли чашу вина. Левкий разгладил бороду, посмотрел на чашу умильно, произнес: «Ах, ты чаша, чаша моря соловецкого», – и разом выхлебнул всю чашу.

– Хочешь еще? – спросил царь.

– Сколько велит царь, столько и буду пить; только коли на ногах не устою, да свалюсь, не наложи гнева. Пьяный не владыка себе самому.

– А если, – сказал царь, – государь велит тебе пить в такой день, что в святцах не показано разрешение вина и елея, тогда что?

– Несть разрешения, кроме царского повеления. Царев указ – все равно что Божий. Исполнять его велит сам Бог – тогда в ответе перед Богом уже не я; аще же царского указа не послушаю, то всегда в вине буду как перед Богом, так и перед царем.

– Мудро сказано, – сказал царь, – а если царь скажет: «Левка, не пей николи, и даже в полиелей», тогда что?

– Тогда Левка упадет царю в ноги...

И с этими словами Левкий упал к ногам государя и продолжал:

– И скажет: «Царь-государь, вели лучше Левке голову снять, оттого что Левке лучше живу не быть, чем не пить».

– Не бойся, Левка, царь пить не закажет, а скорее укажет. Ну, Левушка, скажи мне лучше вот что: проявился тут блаженный, ходит да кричит, знамо блажит; я его звал к себе... кто он таков?

– Не знаю, государь, о том вели спросить отца протопопа Сильвестра.

– Отчего Сильвестра, а не тебя? – сказал царь, нахмурившись.

– Я не звал его, и не приходил он ко мне, а видел я, как он из Сильвестрова двора выходил.

Зловещая мысль вновь посетила голову царя: Сильвестр ничего не сказал о блаженном, когда царь его спрашивал, а блаженный бывает у Сильвестра.

¹⁶ Идут впереди.

– Дивные вещи он рассказывает, – сказал царь и передал вкратце Левкию то, что слышал от блаженного.

– Это значит, – сказал Левкий, – чтобы царь на войну шел... Да, знать, есть такие, что желают, чтобы ты на войну сам ходил... Нет, царь-государь, не ходи, у тебя есть воеводы, слуги твои; их, своих холопей, посылай, а тебе свое здоровье беречи надобно. Князь Курбский, князь Серебряный не воротятся с войны – потеря невелика: много их, князей, на Руси, а ты, государь, у нас один, всему государству голова и оборона. А вот этих блаженных взять бы в розыск да и поднять раза два на дыбу, так заговорили бы они правду-матку, а то они народ только мутят! Вишь, что затеял! Старцев каких-то выдумал! Задал бы я ему старцев! Вспомни, царь-государь, как по Москве ходил юродивый да пророчил: Москва сгорит, а Москва и впрямь загорелась, а потом народное смятение стало... все то недруги твои учинили кознями своими! Нет, царь-государь, не слушайся вражьих советов, не ходи на войну. Кто знает, что у них на думе.

Левкиева речь пришлась по сердцу государю, который мучился подозрением, что его, как дурня, хотят провести и заставить делать то, чего он не хочет. Царь призвал к себе Афанасия Вяземского, молодого любимца, которого он уже тогда приблизил к себе.

– Афонька, – сказал царь, – блаженный какой-то проявился в народе, про войну пророчит; узнай, что он там такое говорит, а коли услышишь что-нибудь про нас, тотчас вели схватить его... Нечего ему в зубы смотреть, что он блаженный.

Вяземский искал блаженного, спрашивал, ездил несколько дней по Москве – и след пропал этого блаженного, словно в воду канул; только и узнал Вяземский, что вечером того самого дня, как он был у царя, видели его у Подкопал; он кланялся народу во все стороны и говорил: «Прощайте, люда добрые! Увидите меня разве не в добрый час, когда враг-бусурман под Москву подойдет!» И потом уже никто не видал его.

III. Царица

В царицыных покоях, вокруг большого продолговатого стола, покрытого зеленою с красными цветами скатертью, стояли две мастерицы и старая боярыня, надзиравшая над женскими работами. Поодаль от них, у двери, стоял мужчина лет за тридцать, с задумчивым лицом, и постоянно опускал глаза в землю, как того требовала вежливость из уважения к месту, в котором он находился. Одежда на нем была полумонашеская, черная, длинная; только голова была открыта. На столе лежал рисунок, изображающий положение Христа во гроб. Женщины, стоявшие у стола, находились, видимо, в тревожном ожидании и поглядывали беспрестанно на маленькую дверь, ведущую во внутренние комнаты царицы Анастасии. Никто не смел завести разговора. Наконец дверь открылась, вошла царица, женщина бледная, сухощавая; ее черты, некогда красивые, сильно искажены были преждевременными морщинами, в ее глазах отражались грусть и озлобление. Она была одета в голубом атласном летнике с серебряными узорами; на голове у ней была бобровая шапочка с верхом, унизанным жемчугом. За нею шли две девицы в красных летниках, с распущенными волосами. Их боязливый взгляд показывал, что они находятся в строгой дисциплине. Подошедши к столу, царица молча разглядывала рисунок.

– Вот, матушка то сударыня-царица, – сказала старая боярыня, – иконописец из Новгорода написал плащаницы образец, буде твоей царской милости угодно будет.

Иконописец поклонился до земли; царица взглянула на него, потом посмотрела на рисунок и сказала боярыне тихо:

– Выдать ему три рубля¹⁷, пусть идет.

Боярыня сделала знак иконописцу, а тот, понявши, поклонился и вышел.

– Первый художник, – сказала боярыня, – матушка государыня-царица, и книжен вельми, у отца Сильвестра на воспитании вырос, когда еще отец Сильвестр был в Новгороде; и дал ему Бог дарование иконописное; живет, государыня, в Новгороде.

– Так он новгородский? – сказала царица. – Да еще у Сильвестра вырос? Не хочу! Не делать плащаницы по его образцу! И вперед чтобы мне из Новгорода не приводить ни на что мастеров, а паче из попа Сильвестра детенышей. Слышишь? Чтоб не было того. Нешто из иных городов отыскать не можно? Нешто в Москве нет достойных? Что это все из Новгорода, да из Новгорода? Новгород всему указ стал; и Богу-то по-новгородски заставляют молиться. Москва Новгороду глава и всем городам – так и в книгах написано. А нешто в Новгороде благодати больше: ростовские чудотворцы посвятее-то новгородских святых. Не чета Ростову Новгород, не то что Москве! Да ты что, новгородка, что ли?

– Матушка-государыня, – сказала боярыня, ведомо тебе, что я прирожденная московка, старого московского рода.

– Так сыщи иного иконописца, – сказала царица, – чтоб не из Новгорода, а паче чтоб не из Сильвестровых детенышей. Поп набирает себе на улице бог знает кого да в люди выводит... А за его милостивцами никому хлеба достать нельзя. И в попы своих ставит, и в подьячие ставит, да еще иконы пишут все его люди¹⁸. Сыщи иного.

¹⁷ Названная сумма преувеличена. Так, несколько позднее описываемых событий, в 1570-х гг., стоявшие на высшей ступени лестницы государственного аппарата руководители Посольского (ведал иностранными делами) и Разрядного (ведал армией) приказов получали по сто рублей годового жалования. Во второй книге своей хроники Костомаров описывает награду, полученную Кудеяром от Девлет-Гирея за спасение его жизни: десять тысяч рублей денег и драгоценности. Для уяснения невероятности такого дара укажем лишь, что за «подъем» (переезд) в Александрову слободу при введении опричнины в 1564 г. Иван Грозный обложил государство побором в сто тысяч рублей. Непомерно большой представляется и выдача Кудеяру ста рублей денег на постройку дома от Ивана Грозного.

¹⁸ Уже упоминавшийся пожар 1547 г. опустошил Москву. Нанес он значительный ущерб и кремлевским зданиям (выгорело внутреннее убранство храмов и теремов), а потому для восстановительных работ потребовались значительные силы. Свя-

– Буди твоя воля, государыня-царица, – сказала боярыня.

В это время вошли в комнату двое братьев царицы, Григорий и Никита, единственные мужчины, имевшие право во всякое время входить в покои царицы.

Анастасия продолжала:

– А три рубля? Так им и пропадать по твоей вике! Коли бы ты сказала, что из Новагорода, я бы не велела и показать мне его образину с его образом.

– Матушка-государыня, – сказала боярыня, – не гневись. Я верну эти три рубля, коли они напрасно потрачены чрез мою вину.

– Было бы на нищую братию раздать! – говорила царица. – Смотри-ко, три рубля ни за что взял! И так дерет за свою дрянную работишку – ни на что не похоже, а иные бедные чуть с голоду не помирают. Им надобно помогать, а не даром деньги бросать сильвестровцам; разжирел вельми попина, пусть бы из своих животов раздавал своим.

– Матушка-государыня, – говорила боярыня, – не изволь гневаться. Я верну три рубля.

– Я с тебя трех рублей не возьму назад, – сказала царица, – отдай их половину к Троице, а половину на нищую братию раздай, коли твое усердие будет. А то, право, тремя рублями сколько нищих-то оделить можно, а они в одну ненасытную утробу новгородскую ушли... Боже, Боже! Прости наше согрешение! Ну, гляди, достань иного иконописца – московского либо ростовского, либо ярославского, только не новгородского, и не из Сильвестрова гнезда. Ступай же себе.

Боярыня и мастерицы поклонились и ушли. Царица обратилась к девицам:

– Вы что выпучили-то буркалы! Ох, смиренницы, как только с глаз моих, так у вас зубокальство и смех неподобный. А! Ты, ты что глядишь там! Вот теперь при мне чуть не засмеешься! А ты, пучеглазая! Говори: смеялась она у меня за спиною? Покроешь ее?.. Мне не скажешь?

– Я не видала, государыня!

– Врешь! Видела! Ну, если не видала и увидишь – скажешь мне?

– Скажу, государыня-царица.

– Лжешь! Не скажешь! Где у вас верность? Какая у вас верность! А как повернусь, да увижу... ты думаешь тебе меньше будет кары, чем ей? Обеих одинаково накажу. Идите себе от меня.

Девицы ушли.

– Куда ни повернись, – говорила царица братьям, – от Сильвестра не уйдешь. Хотела плащаницу вышить по обещанию, по душе моего Мити-царевича в Горицы¹⁹: что ж? Говорю: найдите иконописца, чтобы мне образец написал. А оне нашли из Новгорода, да еще из Сильвестровых детенышей. Поп со своей попадшей собирали разную сволочь, мальчишек и девченок, воспитывали да в люди выводили. А это чинилось не в угоду Богу, а для того чтобы во

щенник Благовещенского собора Сильвестр, тесно связанный с митрополитом Макарием, действительно был одним из непосредственных руководителей группы мастеров, писавших новые иконы. Как свидетельствует его «Жалобница» церковному собору 1554 г., он привлекал мастеров из Новгорода, с которыми у него были давние связи (группа художников-псковичей отказалась работать в Москве и выполняла заказ дома, и потому ее деятельность была менее заметна). К тому же Сильвестр сам содержал мастерскую, где изготавливали иконы и книги. Благовещенский священник оставил после себя труд, несправедливо известный как яркое проявление консерватизма и порой представляемый крайне реакционным – «Домострой». Между тем в нем проявились веяния, отражающие появление товарно-денежных отношений в недрах натурального хозяйства. Во всяком случае, Сильвестр в нем ставил себе в заслугу освобождение своих «работных» и призывал следовать этому примеру.

¹⁹ Речь идет о первом сыне Ивана Грозного – Дмитрии, родившемся в октябре 1552 г. Младенец умер (утонул в Шексне –?) во время поездки царя на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь летом 1553 г. Вышивание было одним из традиционных занятий русских женщин, где они порой достигали значительного совершенства. Анастасия Романовна почиталась незаурядной мастерицей, ее произведения ныне хранятся во многих музеях. Специалисты отмечают происходящую из ее светлицы пелену Никиты Столпника с тропарем, сочиненным (по преданию) Иваном Грозным, а также замечательный по своим художественным достоинствам надгробный покров Никиты Переславского, почитание которого связано с рождением в 1555 г. в семье сына Ивана после моления Анастасии у Гроба святого.

всем царстве своими людьми все углы испоместить. Видите – везде у них свои люди. И мне ихнего привели, из новгородских.

– Знаю, – сказал Григорий, – это из тех, что писали Господа Саваофа²⁰, чем Висковатый соблазнился. Вот и тебе привели из ихней норы крысу. Хотят царя-государя с толку сбить, чтоб он в поход пошел на Крымскую землю. Подослали к нему какого-то юродивого, пророчил о падении турецкого царства. Спасибо, отец Левкий царя-государя вразумил. Не поддается. А тут, видишь, приехал из Литовской стороны Вишневецкий-князь, подбивать царя на войну, да еще какое-то чудо привез с собою – силача какого-то, Илью Муромца... Хотят царя отуманить.

²⁰ Одна из икон, созданных после пожара 1547 г. (ее условное название – «Четырехчастная»), вызвала особые возражения дьяка И. М. Висковатого ввиду необычности изображения Саваофа: он обнажен и прикрыт лишь багряным и белым крыльями и как бы обнимает исходящий из его лона крест с распятым на нем Христом. Сложность символики иконы делала ее не понятной для многих и потому неприемлемой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.